

ОБРАЗ РОССИИ КАК «ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА» В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И В ПАМЯТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

DOI: 10.25629/НС.2021.03.06

Селунская Н.Б., Петрова О.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Фокус внимания авторов статьи направлен на рассмотрение современных тенденций изменения содержательного наполнения понятия «историческое пространство». Если ранее в историографии на первый план выступало географическое содержание пространства, то в современных исторических исследованиях доминирует социокультурное измерение и историко-антропологический подход. В статье анализируются методологические и историко-ведческие аспекты «пространственного поворота» на примерах реконструкции образов России как культурно-исторического пространства, запечатленной в персональных историях русских беженцев и устных историях представителей русских диаспор за рубежом в начале XX в. Авторы доказывают, что географическая составляющая является недостаточной для объяснения сложной структуры контента исторического пространства и его изменений во времени, которое требует включения в исследование пространства как «одного из его главных героев» человеческого фактора в его социокультурном аспекте на групповом и индивидуальном уровнях.

Ключевые слова: культурно-историческое пространство, пространственный поворот, историческая память, мемуары, эмиграция, диаспоры, Финляндия, Бизерта.

И они ушли из России,
в себе понесли Россию –
носят в себе доселе...

И.С. Шмелев

К постановке проблемы

Важной характеристикой методологии современных исторических исследований является так называемый пространственный поворот, который проявился в существенных трансформациях предмета и методологии междисциплинарного исследования исторического пространства [4; 14; 15]. Известно, что с самого начала своего становления история училась «обращаться» с земным пространством. Историографическая традиция оперировала понятием исторического пространства, содержание которого было изменчивым и претерпевало трансформации в процессе развития исследовательских практик, использующих этот концепт. Историческое пространство было «загружено» прежде всего реальным географическим содержанием при изучении конкретно-исторических процессов. Однако представления историков о пространстве как совокупности характеристик, описывающих какие-либо реальные территории, местности, регионы, страны, менялись в связи с изменениями проблематики, методологии и источниковой базы исследований, целей познавательной деятельности. Общая тенденция изменений содержательного наполнения понятия «историческое пространство» проявилась в том, что основными составляющими понятия стали не только и не столько географические и территориальные характеристики, но исторические, относящиеся к социокультурным аспектам, объединяющим людей и определяющим их коммуникации, стереотипы поведения на основе эстетических, нравственно-психологических, этнокультурных ценностей, уклада повседневной жизни и пр. Социокультурное измерение и историко-антропологический подход к исследованию «исторического пространства» являются предметами обсуждения международного исторического сообщества [11].

Именно такое понимание пространства будет предметом рассмотрения в предлагаемой статье. Внимание авторов сосредоточено на методологических и историковедческих аспектах

«пространственного поворота» при обращении к проблемам исторической памяти (memory studies). Реконструкция образов России как культурно-исторического пространства, являющегося основой социокультурной идентичности русских эмигрантов, запечатленной в персональных историях русских беженцев и устных историях представителей русских диаспор в начале XX в., включает географическую составляющую не только для обозначения локации. И если география служит фоном, на котором происходят те или иные исторические события, то само пространство превращается практически «в одного из главных героев» исследования.

«Пространственный фактор» и его репрезентации в историографическом дискурсе объяснения российской истории

История России как исторического пространства в нашей национальной историографической традиции рассматривалась в контексте оппозиции «Россия»–«Запад» с различными вариантами репрезентаций «Запада», но в основном как эталона оценки и объяснения российской истории. Представляется возможным утверждать, что в исторических концепциях самых авторитетных российских историков – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского – географический фактор отчетливо присутствовал в характеристиках России и ее особого исторического пути. Так, например, при сравнении России и Европы историками оценивались и воздействие на темпы и характер исторической эволюции таких факторов, как «местоположение» и природа страны (которая, по словам С.М. Соловьева, была «для России мачехой»), и роль климатического фактора [18]. У В.О. Ключевского сама историческая эволюция России оценивается как «история страны, которая колонизируется» [12].

В современной историографии постоянно подчеркивается необходимость разработки содержательного наполнения концептов, через которые транслируются представления об историческом пространстве, уточнения их конкретно-исторического содержания. Об этом свидетельствуют дискуссии о концепте «Запад» как историческом пространстве [17]. Так, в исследовательских практиках уменьшается пространственный масштаб этого концепта, «Запад» наполняется и конкретно-историческим содержанием используемых оппозиций: Россия–Европа; Россия – Западная, Северная, Восточная Европа; Россия – другие европейские государства. В то же время расширяется набор сравниваемых «пространств» дополнением координаты «Восток». Таким образом, актуализируется сравнительно-историческое исследование российской истории в координатах пространства «Восток»–«Запад», в том числе реактуализируется концепция России как «евразийской державы», восходящая к трудам Л.Н. Гумилева и эксплуатирующая промежуточное пространственное положение России между Западом и Востоком как основу объяснения российской истории.

Следует отметить и особое внимание западного россиеведения к проблеме изучения России как исторического пространства, а также интерес к раскрытию специфики идентичности российского общества в контексте треугольника «Россия»–«Восток»–«Запад» в исследованиях по истории России начала XX в., к периоду «пробуждения и роста национализма у русских». Так, в подобного рода исследованиях подчеркивается тот факт, что большая часть русского образованного общества считала Россию «европейской страной», а территории на «Востоке» рассматривались как неевропейские колонии. То есть «на Востоке» Россия должна была стать представителем европейского прогресса и цивилизации [21; 22]. Такой подход уже свидетельствует о переходе историографии к изучению образов исторического пространства на современном этапе, о переносе акцентов на субъективное восприятие исторического пространства вообще, а России – как историко-культурного пространства в частности, весьма значимого для его изучения в контексте исторического времени.

Методологические и источниковедческие проблемы исследования памяти русских эмигрантов о России как «своем» этнокультурном пространстве

Итак, для такой тенденции современного этапа развития историографии, который назван «пространственным поворотом», характерны очевидные сдвиги в области методологии исследования. Новое понимание пространства обусловило выбор его рассмотрения в таком пред-

метном поле истории, как изучение памяти (memory studies) на основе источников, фиксирующих воспоминания свидетелей, участников революционных событий Российской империи начала XX в. и драматических персональных историй эмигрантов. Здесь же лишь стоит отметить, что для мемуарных текстов XX в. особой вехой является 1917 г. Да и сами мемуаристы нередко это отмечали. В воспоминаниях А.А. Ширинской можно найти такие строки: «Вспоминая сейчас далекое прошлое, я думаю, что моя жизнь состоит из двух частей: до 1917 года и после...» [20, с. 63]. 1917 год часто сопоставляют с подобным ему по значению рубежом для XIX в. 1812 годом. Это делает 1917 г. маркером-вехой в разделении русской литературы и мемуаристики на советскую и эмигрантскую [8].

Надо отметить особую роль мемуаров, устных персональных историй как весьма репрезентативной основы исследования темы, так как речь пойдет об образах, представлениях, восприятиях, запечатленных в памяти эмигрантов, беженцев из России. Эти источники отражают самоидентификацию человека в новом/ином/чужом пространстве, освоение этого пространства, осознание им своего места и роли в новой среде и в новом этапе индивидуальных судеб и историй как вынужденное изгнание, в котором оказались русские беженцы-эмигранты первой волны. Весьма субъективный по природе источник показывает многообразие и отражает противоречивость индивидуального и группового восприятия социокультурного и исторического пространств, а не только простое описание, фиксирование реалий, в которых находится человек.

Трансформации восприятий «своего/чужого» пространства в контексте «исторических перемен» у русских эмигрантов

В данном разделе статьи на конкретном примере будет раскрыта значимость изменений в интерпретациях и методологии изучения «исторического пространства», которые обусловили приоритеты в структуре содержательного наполнения между географическими, территориальными, и историческими характеристиками («историческими переменами», историческим временем) таким образом, что социокультурные аспекты, объединяющие или разъединяющие людей, существующих в этом пространстве, определяющие характер их коммуникаций, стереотипы поведения на основе общих/различных эстетических, нравственно-психологических, этнокультурных ценностей, уклада повседневной жизни выступают на первый план исследования. Методология memory studies, социокультурное измерение и историко-антропологический подход к исследованию «исторического пространства» определили и подбор источников, и ракурс изучения исторического пространства в контексте оппозиции «свой–другой/чужой».

Примером специфической оптики восприятия «своего/чужого» пространства Российской империи, в силу исторических перемен, произошедших в нашей стране в 1917 г. и превративших ее для определенной части российского общества из родного отечества в «чужбину», «зарубежье», является опыт пребывания русской диаспоры в Финляндии. Восприятие как «нового», пережившего свой статус исторического пространства русскими беженцами запечатлено в такой интересной разновидности источника, который историки классифицируют как «устная история», то есть записанные рассказы свидетелей, участников о пережитых ими событиях, общении и вообще повседневной жизни. В данном случае в сферу изучения следует включить и восприятие – «принятие/непринятие» – финнами русских, репрезентирующих Россию как историческое пространство, внутри которого на определенных этапах истории эти два народа существовали вместе. Парадокс в случае с восприятием русских эмигрантов Финляндии как «своего/чужого» пространства порожден и тесно связан с историческим временем, во многом определяющим и меняющим как территориальные границы, так и социокультурное наполнение этого исторического пространства. Речь, несомненно, идет о том, что Финляндия, как известно, была частью Российской империи, но по воле истории стала «чужбиной», пространством «русского зарубежья» для русских эмигрантов.

Анализ следует начать с реконструкции истории изучаемого пространства, в ходе которой надлежит высветить наиболее значимые отличительные особенности и этапы его формирования как исторического и социокультурного феномена и государственного образования. Так, следует отметить, что Финляндия – сравнительно небольшая страна, население которой к

началу 1920-х гг. составляло 3,1 млн чел. В национальном составе свыше 90% населения составляли финны, а по вероисповеданию – лютеране [9, с. 506–507]. Исторически народы Финляндии и России более столетия развивались в одном государстве, так как Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи с 1809 по 1917 гг. и обладало значительными правами, имея свое гражданство, таможенные границы, законы, ограничивавшие имперскую власть. Особенностью Финляндии как историко-культурного пространства было и то, что на территории Великого княжества Финляндского проживало значительное число русских уже до революции, объяснение чему, в частности, можно найти и в том факте, что традиционной была служба финского дворянства в составе русской армии. За столетие тысячи финнов отслужили в русской армии и прекрасно владели русским языком. Вот почему надо понимать, что эмигранты первой волны из России, приехавшие в Финляндию после революции 1917 г., присоединились и пополнили уже существовавшую русскую диаспору. Как отмечали исследователи, к моменту, когда Финляндия обрела независимость, получив в декабре 1917 г. права суверенного государства, русские имели там «обжитые места» и «развитую инфраструктуру, чтобы обслуживать не только русских военных, но и их семьи» [16, с. 19]. В финской историографии историк Тимо Вихавайнен отмечал, что в процессе изучения истории российско-финских отношений характерным явлением были «крутые повороты исторической ситуации» [5]. Так, например, в XIX в., когда не только финны Финляндии, но и все остальные финские племена входили в состав Российской империи, было принято считать, что «отношения финнов и русских близки». Более того, в историографии имела место концепция, в основе которой был тезис о том, что сам великорусский народ образовался в результате мирного слияния славянских и финских племен. Эта концепция развивалась в сочинении Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в котором автор утверждал, что финны никогда не образовывали своего государства и, стало быть, к этому не были способны [7]. Поэтому, как заключал историк, представляется естественным, что они входили в состав России, которая могла без вреда для себя предоставить финнам «полную этнографическую самостоятельность». А в составе Швеции, по мнению Н.Я. Данилевского, этого не могло быть, поэтому финны должны быть благодарны судьбе за свое вхождение в Российскую империю.

Касаясь проблемы взаимоотношений России и Финляндии на уровне этносов, историки признают, что финский народ испытывал самые хорошие чувства к российским императорам – от Александра I до Александра III, – однако подчеркивают, что значительно сложнее выносить оценки отношения между народами. Стоит вспомнить, что, по подсчетам финских историков, в 1900 г., когда Финляндия уже почти столетие входила в состав Российской империи, русских среди финских граждан было всего около 0,22% [6]. Так, возможно говорить о «разобщенности этих народов», хотя и нет оснований считать их враждебными, несмотря на то, что «в 20-е годы XX века в самостоятельной Финляндии была популярна идеология, которая говорила об “исконной вражде” между финнами и русскими» [6, с. 23]. Этой точки зрения придерживается и Т. Вихавайнен, отмечая волнообразный характер подъема русофобских настроений в Финляндии, как, например, в годы Первой мировой войны, «когда 2000 молодых финских солдат пошли в ряды германской армии и вернулись в 1918 г., чтобы освободить свою страну от русских угнетателей» [5, с. 28]. Спасительницей для Финляндии считается Октябрьская революция, разрушившая Российскую империю и объявившая Финляндию независимым государством. В то же время разрушительная сила революции изменила кардинально историческое пространство России, создала сильные мотивации для драматических перемен в жизни российского общества, для исхода русских из России.

История взаимоотношений России и Финляндии, включающая этап совместного пребывания в течение столетия в одном государственном пространстве – Российской империи, – несомненно, сыграла определяющую роль в том, что Финляндия занимала особое положение по сравнению с другими странами, где проживали русские беженцы и куда устремлялась российская эмиграция, хотя она и не стала крупным центром русской эмиграции. Среди исследователей нет единства относительно оценок численности русской диаспоры. Так, исследователи из

Информационного культурного центра Петербурга считают, что в 20-е гг. XX в. здесь обосновалось около 15000 эмигрантов, половину из которых составляли русские [3, с. 97]. Близкие оценки содержатся и в работах В.М. Селунской [16]. Они основаны на данных финских историков Н. Башмаковой (Наталья Башмакофф, Natalia Baschmakoff) и М. Лейнонен, усилиями которых были собраны и опубликованы рассказы и воспоминания русских эмигрантов [2]. Это очень интересный источник, представляющий собой «устную историю», отражающую повседневность русских эмигрантов. Наталья Башмакова является и автором ряда воспоминаний о себе и своих родных, что делает ее работы бесценными источниками по истории русской диаспоры в Финляндии. В своих воспоминаниях «Пряный вкус многоголосья, или В поисках утраченного семейного уклада» она пишет о том, что является эмигранткой в четвертом поколении [1]. Наталья Владимировна Башмакова – представитель интеллектуальной элиты русской эмиграции, семье которой после революции удалось перебраться из Петрограда в Финляндию. Она – доктор философии, специалист по истории русской литературы, профессор университета города Йюенсуу, заведующий кафедрой русского языка, доцент университета города Тампере, председатель Общества финских славистов. Приведем несколько примеров как основу для оценок информативной ценности устной истории, представленной русской диаспорой в Финляндии для изучения восприятий русских и России финнами в контексте «свой–чужой».

Весьма красноречивым индикатором, сближающим или разделяющим население одного исторического пространства на «своих» и «чужих», является язык общения. В связи с этим показательным является то, что многие из проживавших русских эмигрантов свидетельствуют в своих рассказах и воспоминаниях о том, что на улице и в публичных местах не следовало говорить по-русски. Кроме того, при принятии русских на работу им ставилось условие о перемене русской фамилии на финскую. Однако справедливости ради необходимо привести рассказ и о других настроениях финнов в плане восприятия русских. Так, приводится рассказ «русского с Перемейка», которого обругал на работе финн во всеуслышание словом «гусса», и сам директор заставил того извиниться и приклеил на стене объявление: «Ryssittelystä seuraa lopputili!» («За обругивание русских словом “рюсся” последует расчет!») [2, с. 20–22].

По свидетельствам русских эмигрантов, в повседневной жизни в период между Первой и Второй мировыми войнами в Финляндии было распространено восприятия русского как «чужого», что побуждало националистически настроенных финнов бороться «за чистоту» финской молодежи против угрозы общения молодых людей между собой. В том числе в воспоминаниях указывается на случаи «несостоявшихся под давлением националистически настроенной семьи браков», и даже можно встретить прописанную по памяти и услышанную в разговорах мотивацию таких решений: «Естественно, их (русской прислуги) желание общения было направлено, в первую очередь, на местное население мужского пола... Качели так и гнулись под тяжестью лопотающих по-русски или завывавших свои каштучки кухарок... Это явление... подвергло жизнь молодых людей пограничных дачных областей угрозе, которая впоследствии могла бы превратиться в угрозу национальную... Против этого следовало вести жестокую борьбу...» [2, с. 30].

В воспоминаниях говорится и о схватках между русскими и финскими школьниками, которые «случались не каждый день, а изредка», что приводило к тому, что «русские шли по левому тротуару большой дороги до общественной лавки, там поворачивали на правую сторону, так как навстречу шествовали “враги” финны... иначе завязывались драки, побоища, в ход пускались даже кастеты» [2, с. 35]. Интересно заметить, что в рассказах и воспоминаниях русских эмигрантов в Финляндии можно встретить и указания на то, что русско-финский антагонизм межвоенных лет «дополнялся» одновременным возникновением националистических и языковых распрей между финнами и финскими шведами, которых было гораздо больше и которым также доставалось. Причем описываются парадоксальные ситуации. Так, если русский ребенок ходил в шведскую школу, его могли обругать и «гусса» и «hurtti» (швед с отрицательной коннотацией), зато чисто шведского ребенка из пролетарской семьи обзывали русским.

Представляется, что в воспоминаниях эмигрантов отчетливо подтверждается восприятие русских, «задерживавшихся» в Финляндии, как чужого элемента для местного населения, которые не были способны слиться с ним, например, как в Югославии, по той причине, что русские

«слишком отличались от финнов как по характеру, так и в своем отношении ровно ко всему, не говоря уж о том, что мы не знали местных языков» [10, с. 15].

Языковые различия и отличия в ментальности, как видим, расценивались русскими эмигрантами как непреодолимое препятствие для формирования общего коммуникативного пространства и как основание для неприятия русских в социокультурное/другое/чужое пространство «зарубежья», каким для них была Финляндия.

Однако названными причинами не объясняются полностью самоидентификация русских эмигрантов в этнокультурной новой среде, их «невключенность» в это пространство. Следует обратить внимание еще и на сильное и устойчивое сохранение своей этнокультурной идентичности, принадлежности к своему историческому пространству – Российской империи, – пространству, ушедшему из реальности, но оставшемуся в душе эмигрантов. Поэтому русские эмигранты не прилагали особых усилий, чтобы выучить финский и шведский языки и войти в культурную и общественную жизнь страны, а вели созерцательный образ жизни, уходя в своих мыслях в прошлое и рассуждая так: «К чему стараться, раз мы не сегодня завтра поедем домой?» [10, с. 57]. В воспоминаниях также отмечалось, что «многие годами снимали комнаты у квартирных хозяек, не имея даже права пользоваться кухней, питались по столовкам, а дома варили на примусе чай...» [10, с. 33]. Ощущение временности пребывания в отрыве от России и вера в скорое возвращение на Родину также определяли пребывание русских эмигрантов лишь внутри территориально-географического, но вне культурно-исторического пространства Финляндии. Кроме того, чувство ностальгии и непреходящее ощущение принадлежности русской культуре, их этнокультурная идентичность определяли сближение русских и формирование «своего» пространства, диаспоры, внутри «чужого». В своих рассказах и воспоминаниях эмигранты повествуют о чувстве общности, «одной семьи», которая несла и хранила образ России, русскую культуру. Вот почему русская диаспора так стремилась к созданию русских школ, закрытие которых грозило русской молодежи денационализацией, то есть утратой своих национальных особенностей, культуры и языка. Благодаря усилиям русской диаспоры удалось добиться того, что 26 сентября 1918 г. финляндским Сенатом было вынесено благоприятное решение о разрешении Выборгскому православному приходу учредить и содержать русскую начальную и среднюю школы, начать занятия, в которых удалось лишь 27 января 1919 г. Наконец, важную роль в сохранении культурной идентичности русских в Финляндии играла православная церковь, которая пользовалась в стране правами государственной церкви, была второй по значимости, объединяя 25 приходов и три епархии, которые вели не только проповедническую, но и культурно-просветительскую работу, сохраняя традиции русского православия.

Приверженность традициям русской культуры, ощущение себя в пространстве России даже на чужбине характерно для ментальности российской эмиграции, которая легко считывается в текстах их воспоминаний, в которых, как писал А.С. Пушкин, «слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце». Убедительное подтверждение этому можно найти и у Анастасии Александровны Ширинской (урожд. Манштейн) в мемуарах «Бизерта. Последняя стоянка», раскрывающих обстоятельства тех драматичных событий, которые привели Русский императорский флот к последнему причалу в тунисском порту в 1920–1921 гг. Реконструируя свою персональную историю, А.А. Ширинская дает описание формирования восприятия России как своего пространства с детских впечатлений о малой родине. Пять первых лет ее жизни (1912–1917) были связаны с именем Насветевич в селе Рубежное, родовым гнездом отца – морского офицера А.С. Манштейна. Отец был переведен на службу на Балтийский флот, семья переехала в Кронштадт, затем в Ревель, но поездки в родовое имение были частыми, каждое лето семья проводила в Рубежном. На страницах воспоминаний А.А. Ширинская спрашивала себя: «Где я провела свое детство?» Размышляя над этим, она отвечала: «“Жила” я, пожалуй, в Ревеле; Петербург–Петроград – это было “у бабы Таты”, но моим “царством” было Рубежное» [20, с. 55]. Именно Рубежное (совр. г. Лисичанск) и имение Насветевич на страницах мемуаров описаны настолько подробно, что образ родной земли, родительского дома, малой родины возникает наиболее явственно. А.А. Ширинская покинула Россию в возрасте восьми лет, но воспоминания, написанные много лет спустя, раскрывают мельчайшие детали. Причин

тому может быть несколько – эмигранты удерживали в памяти образ Родины, лелеяли его, сохраняли для потомков, понимая, что те уже никогда не вернутся домой в Россию. Другим объяснением такой детальности могут быть бережно хранимые фотографии родных мест. На фотографиях, которые автор привезла с собой в Бизерту, сохранилось изображение дома в Рубежном. Об этой фотокарточке автор писала: «Для всех – это лишь фасад на пожелтевшем картоне, и только лишь одна я могу распахнуть двери и войти в этот дом... белый дом с колоннами и множеством окон, открывающихся в парк, запах сирени и черемухи, песнь соловья и хор лягушек, поднимающаяся с Донца в тихие летние вечера» [20, с. 12]. В формировании образа родного пространства участвовали не только визуальные картины, сохраненные памятью или фотографиями, но еще и воспоминания о запахах, звуках, ассоциирующихся с домом и детством.

Поскольку А.А. Ширинская на Родине прожила слишком короткий срок, образ родного дома, России дополнялся деталями, полученными при обращении к семейной хронике, в которой история предков, вписанная в широкий исторический контекст, создавала всеобъемлющую картину истории России пореформенного периода: повседневная жизнь дворян-помещиков, будни и праздники воспитанниц Смольного института и пр. А.А. Ширинская справедливо замечала, что «знание прошлого, своих корней, культуры своего народа – такая это сила в тяжелых испытаниях!» [20, с. 40]. И конечно книги, которые играли не меньшую роль в сохранении образа Родины: «Незабываемые картины детства! Как живо вставали они передо мной на чужбине, когда я позже начала читать книги наших писателей и поэтов, которых так любила моя мама» [20, с. 54].

Восприятие родного пространства ассоциируется у автора с пониманием его протяженности: «...так с самого детства запечатлелась во мне моя страна во всей ее необъятности... россияне так привычны к просторам своей Родины, что расстояния для них не препятствия» [20, с. 53–54]. Эмоциональность восприятия и специфика фильтрации и закрепления в памяти наиболее сильных, позитивных впечатлений определяют «странную особенность», которая приводила, как писала А.А. Ширинская, к тому, что ей «запомнились переезды через Россию только с севера на юг – так сильна была радость встречи с родным поместьем и нежелание его покидать», но она «не сохранила никаких воспоминаний об обратной дороге». «Праздничность» восприятия путешествий сопровождается устойчивой симпатией к «своему». Так, в описании своих впечатлений она замечает, что «российские железные дороги шире европейских, следовательно, просторнее и удобнее для долгих переездов». Более того, дорога ее не утомляла, а была похожа на затянувшийся пикник: «...традиционная корзина с провиантом, бутерброды, пирожки, сдобные булочки – все это было интереснее, чем суп с мясом. Человек проносил по вагону огромный чайник с кипятком» [20, с. 53].

Обратимся к материалам воспоминаний А.А. Ширинской о драматических событиях ноября 1920 г., когда после поражения армии Врангеля началась эвакуация гражданских лиц на кораблях Черноморского флота. Семья А.С. Манштейна из Крыма попала в Константинополь, а уже оттуда – в Тунис, в Бизерту. Примечательны приемы, которые использует автор, изображая «чужое»/«иное» пространство. Например, яркая палитра цвета служит для конструирования некой картины нереального, сказочного пространства, внутри которого маленькое «свое», которое репрезентирует, персонифицирует образ государя императора. По словам автора, «Константинополь–Иstanbul – сказочный, яркий, цветистый!» [20, с. 112]. «Оживленный, многонациональный восточный город, блестящие военные мундиры, элегантные туалеты на террасах Перы и Галаты... и рядом столько нищеты» [20, с. 113]. Родители, посетившие Айя-Софию, «были под впечатлением от этого города, который для русских всегда был сказочной Византией» [20, с. 113]. А «свое» пространство – это каюта миноносца «Жаркий», которым командовал отец. А.А. Ширинская писала, что там «мы были “у себя”, и несмотря на голые, серой краской выкрашенные металлические переборки, несмотря на тесноту, я почувствовала себя в безопасности. На маленькой письменной доске стояла фотография государя Николая Александровича в белой морской форме; над койкой – большая икона Спасителя» [20, с. 109].

В январе 1921 г. около 30 кораблей и вспомогательных судов эскадры Черноморского флота, на борту которых находились более 7 тыс. человек, ушли в тунисский порт Бизерту, определенный французским правительством окончательной базой стоянки. Примечательны первые впечатления от увиденного автором воспоминаний: «...маленький, чистенький, живописный и спокойный город, европейской части которого было только 25 лет» [20, с. 118]. «Мы разглядывали с интересом пляжи и пальмы, новенькие дома и минареты мечетей и красносочную толпу вдоль оживленной набережной – много красных фесок и белых широких восточных одеяний среди строгих костюмов и военных мундиров» [20, с. 120]. Все детали, отмеченные А.А. Ширинской, несмотря на использованные положительные определения («новенькие», «чистенькие», «живописные», «спокойный»), свидетельствуют о внутреннем противопоставлении «своему», а значит – и неприятию этого нового пространства.

Первые годы беженцы жили на кораблях («на них мы были еще в России»), дети учились в школе, организованной на броненосце «Святой Георгий», «строго следуя программам дореволюционного времени». Писать учились по правилам старой орфографии. По мнению исследователей, «позиция того или иного человека по вопросу об орфографии была символом и показателем его отношения к советской системе и революции», а «русский язык... представлял собой элемент самосознания граждан зарубежной России» [19, с. 74]. Но в Бизерте, на кораблях беженцы из России старались жить прежней жизнью, насколько это было возможно: устраивались балы и праздники, детские вечера, на которых читали стихи. Автор особо отмечала, как они увлекались русской поэзией. Несмотря на все трудности, беженцы старались жить в соответствии с привычным укладом. Наибольшую радость автор воспоминаний испытывала от религиозных праздников: «Они нам скрашивали повседневную жизнь, мы их ждали, мы к ним готовились» [20, с. 145]. Мемуары в мельчайших деталях воспроизводят празднования Рождества, Пасхи. Эмигранты сохраняли связь с прошлой жизнью, поддерживая традиции, именно таким способом сохраняя «русскость», находясь на чужбине, но при этом не сходя на берег со своих кораблей, ведь «для нас после всего пережитого этот последний причал казался залогом более спокойного, хотя и неизвестного, но радужного будущего», писала А.А. Ширинская в своих мемуарах.

Но после того, как Франция в 1924 г. признала Советскую Россию, семья А.С. Майнштейна покинула корабль – «последний кусочек родной земли» [20, с. 159]. Советская Россия требовала от Франции вернуть военный русский флот, пребывающий в Бизерте. По свидетельству автора мемуаров, «24 октября в 17.45 Андреевский стяг был для наших отцов спущен навсегда» [20, с. 150]. Эта впечатляющая метафора весьма убедительно демонстрирует травму памяти для русских эмигрантов, переживших утрату *de facto* своего родного исторического пространства по воле судьбы и истории. Однако никакая сила не могла лишить их образа России в душе, ибо, по их твердому убеждению, они стали беженцами, но никак не апатридами, так как «если существует возможность лишить кого-нибудь гражданства, то никто не в состоянии лишить человека Родины» [20, с. 150].

Библиография

1. Башмакова Н. Пряный вкус многоголосья, или В поисках утраченного семейного уклада // [Электронный ресурс]: <https://strana-oz.ru/2004/3/pryanuy-vkus-mnogogolosya-ili-v-poiskah-utrachennogo-semeynogo-uklada> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии, 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1990. Т. VII. С. 1–100.
3. Бекжанова Н.В., Волкова Н.А., Сидоренко Н.А. Русские в Финляндии. Информационные аспекты // *Российское зарубежье в Финляндии. Сборник научных трудов: материалы конференции*. СПб.: Сударыня, 2004. С. 96–100.
4. Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России // *Труды по русистике. Сборник научных трудов / Гл. ред. И.И. Глебова*. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 6. С. 353–389.

5. Вихавайнен Т. Столетия соседства: размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2012. 247 с.
6. Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 27 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Издание Н. Страхова, 1888. 557 с.
8. Демидова О.Р. Эстетика литературного быта Русского зарубежья: на документальном материале русской эмиграции 1920–1960 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2001. 48 с.
9. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 607 с.
10. Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм: [Б. и.], 1968. 214 с.
11. Историческая география: Пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва 27–29 января 2011 г.: к 70-летию со дня рождения В.А. Муравьева / Отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 2011. 498 с.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Академический проект, 2015. 525 с.
13. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. 536 с.
14. Репина Л.П. Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 200–223.
15. Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 330–343.
16. Селунская В.М. Русская диаспора в Финляндии между двумя мировыми войнами (1919–1939) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 5. С. 16–29.
17. Селунская Н.Б. In Search of the Best Explanation of Russian History // Былые годы. 2016. № 1 (41). С. 874–882.
18. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Голос, 1993. 768 с.
19. Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917–1939 гг. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 100 с.
20. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999. 246 с.
21. Becker S. Russia and the Concept of Empire // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. С. 329–342.
22. Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture / Ed. by J. Smith. Helsinki: Finnish Historical Society, 1999. 276 p.
23. Klinge M. The Finnish Tradition. Essays on Structures and Identities in the North of Europe. Helsinki: SHS, 1993. 264 p.

Селунская Наталья Борисовна. Доктор исторических наук, профессор, кафедра источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: selounsk@yandex.ru

Петрова Ольга Сергеевна. Кандидат исторических наук, доцент, кафедра источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: olgaspetrova@mail.ru

THE IMAGE OF RUSSIA AS A “HISTORICAL SPACE” IN HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE AND IN MEMORY OF RUSSIAN EMIGRANTS

DOI: 10.25629/HC.2021.03.06

Selunskaya N.B., Petrova O.S.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article focuses on contemporary tendencies in interpretations of the concept “historical space”. In the previous period the historiography primarily stressed the geographical components in the content of the concept “the space”, but now socio-cultural dimension as well as anthropological approach started to dominate in the practices of historical research. In the article there are methodological and source-study problems under investigation, illustrated with the examples of reconstructions of images of Russia as “cultural-historical space”, reflected in personal histories of Russians emigrants and oral histories of Russian diaspora abroad in the early 20th century. The authors proved that the investigation of a complicated structure of historical space and its’ transformations in time as a historical dynamic should not be limited to the only geographical factor. It is necessary to include a human factor in its’ sociocultural aspects on individual as well as group -levels in the research of historical space as one of “the main hero”.

Keywords: cultural-historical space, space, “space-turn”, historical memory, memoirs, emigration, diaspora, Finland, Bizerta.

References

1. Bashmakova N. *Pryanyj vkus mnogogolos’ya, ili V poiskah utrachennogo semejnogo uklada* [Spicy Taste of Polyphony, or in Search of Lost Family Way of Life] // [Electronic resource]: <https://strana-oz.ru/2004/3/pryanyy-vkus-mnogogolosya-ili-v-poiskah-utrachennogo-semejnogo-uklada> (accessed: 12.03.2021).
2. Bashmakoff N., Lenonen M. *Iz istorii i byta russkikh v Finlyandii, 1917–1939* [From the History of Everyday Life of Russians in Finland, 1917–1939] // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1990. Vol. VII. P. 1–100.
3. Bekzanova N.V., Volkova N.A., Sidorenko N.A. *Russkie v Finlyandii. Informacionnye aspekty* [Russians in Finland. Informational Aspects] // *Rossiiskoe zarubezh’e v Finlyandii. Sbornik nauchnykh trudov: materialy konferencii* [Russian Abroad in Finland. Collected Papers of Scientific Works: Materials of the Conference]. Saint Petersburg: Sudarynya, 2004. P. 96–100.
4. Bolshakova O.V. *Koncept “Zapad” i istoriograficheskie obrazy Rossii* [The Concept “West” and Historiographical Images of Russia] // *Trudy po rossievedeniyu. Sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings for the Russian Studies. Collected Papers of Scientific Works] / Ed. by I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2016. Issue 6. P. 353–389.
5. Vihavainen T. *Stoletiya sosiedstva: razmyshleniya o finsko-russkoj granice* [Centuries of Neighborhood: Reflections on the Finnish-Russian Border]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 247 p.
6. Vihavainen T. *Nacional’noe osvobozhdenie ili social’noe vosstanie? Grazhdanskaya vojna 1918 g. v Finlyandii i nacional’noe samosoznanie* [National Liberation or Social Revolt? Civil War of 1918 in Finland and National Self-Consciousness]. Petrozavodsk: PetrGU, 2009. 27 p.
7. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Saint Petersburg: Izdanie N. Strakhova, 1888. 557 p.
8. Demidova O.P. *Estetika literaturnogo byta Russkogo zarubezh’ya: na dokumental’nom materiale russkoj emigracii 1920–1960 gg.: Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filolosofskikh nauk* [Esthetics of Literary Style of Russian Abroad: on Documentary Materials of Russian Emigrants 1920–1960: Abstract of Doctor Dissertation in Philosophy]. Saint Petersburg: RGPU imeni A.I. Gercena, 2001. 48 p.

9. *Demograficheskij enciklopedicheskij slovar'* [Demographical Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya encyklopedia, 1985. 607 p.
10. Elenevskaya I. *Vospominaniya* [Memoirs]. Stockholm: [S. n.], 1968. 214 p.
11. *Istoricheskaya geografiya: Prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve. Materialy XXIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva 27–29 yanvarya 2011 g.: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Murav'eva* [Historical Geography: Human Space vs a Human Being in Space. The Materials of the XXIII International Conference. Moscow, January 27–29, 2011: Devoted to 70 Anniversary of V.A. Muraviev] / Ed. by M.F. Romyanceva. Moscow: RGGU, 2011. 498 p.
12. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoj istorii* [The Course of Russian History]. Moscow: Akademičeskij projekt, 2015. 525 p.
13. Narohnitskaya N.A. *Rossiya i russkie v mirovoj istorii* [Russia and Russians in the World History]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 536 p.
14. Repina L.P. *Prostranstvennye perspektivy vseobshchej istorii* [Spacial Perspectives of the World History] // *Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theories, Methods, Perspectives]. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 200–223.
15. Ryzenko V.G. *Istoricheskaya nauka, regionovedenie, kul'turologiya: vozmozhnosti kooperacii vokrug problemy "prisvoeniya proshlogo"* [Historical Science, Local History, Cultural Studies: Possibilities of Cooperation around the Problem of "Privatizing of the Past"] // *Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theories, Methods, Perspectives]. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 330–343.
16. Selunkaya V.M. *Russkaya diaspora v Finlyandii mezhdu dvumya mirovymi vojnami (1919–1939)* [Russian Diaspora in Finland between Two World Wars (1919–1939)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istoriya*. 2004. № 5. P. 16–29.
17. Selunskaya N.B. In Search of the Best Explanation of Russian History // *Bylye gody*. 2016. № 1 (41). P. 874–882.
18. Solovyev S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. 1. T. 1–2* [Essays in 18 Books. Book 1. Vol. 1–2]. Moscow: Golos, 1993. 768 p.
19. Fediuk V.P., Uryadova A.V. *Istoriya russkoj emigracii. 1917–1939 gg.* [History of Russian Emigration. 1917–1939]. Yaroslavl: YarGU, 2006. 100 p.
20. Shirinskaya A.A. *Bizerta. Poslednyaya stoyanka* [Bizerta. The Last Stand]. Moscow: Voyenizdat, 1999. 246 p.
21. Becker S. Russia and the Concept of Empire // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. P. 329–342.
22. *Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture* / Ed. by J. Smith. Helsinki: Finnish Historical Society, 1999. 276 p.
23. Klinge M. *The Finnish Tradition. Essays on Structures and Identities in the North of Europe*. Helsinki: SHS, 1993. 264 p.

Selunskaya Natalia Borisovna. Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: selounsk@yandex.ru

Petrova Olga Sergeevna. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: olgaspetrova@mail.ru